

Олег Лич

Хиромантия и астрология

Москва
«Вест-Консалтинг»
2025

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
Л66

Олег Лич

Л66 Хиромантия и астрология. Стихотворения —
Москва: «Вест-Консалтинг», 2025 — 104 с.

ISBN 978-5-91865-848-2

Олег Лич — новое имя в современной поэзии. Это лирический Дневник взрослого, опытного человека. Пишет поэт о чувствах, которые близки каждому.

Книга рассчитана на широкую аудиторию.

*В оформлении книги использованы материалы
сайта бесплатных изображений freepik.com*

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
ISBN 978-5-91865-848-2

© Олег Лич, 2025
© Ольга Ефимова, предисловие, 2025
© «Вест-Консалтинг», оформление, 2025

О ЧУВСТВАХ, КОТОРЫЕ БЛИЗКИ КАЖДОМУ

Олег Лич — новое имя в современной поэзии. Это лирический Дневник взрослого, опытного человека. Пишет поэт о чувствах, которые близки каждому.

Кто из нас не переживал, например, кризис взросления:

За крыши и за ставни
Всё выше — в белый дым.
Из юности в отставку
Я вышел рядовым.

Кто пишет стихи, тот начинает трудный путь самопознания.

Есть такой нюанс: каждая новая утрата «подтягивает» к себе минувшие, непрожитые до конца, не оплаканные, и каждый следующий кризис человек переживает острее предыдущих, рискуя «обвалиться» в тяжелую депрессию, когда всё, ранее

непроработанное, «накрывает» человека так, что он не видит конца и края своим страданиям. Но стоит высказать чувство, выразить то, что свербит, мучает, беспокоит, как «внутренний демон» отступает:

О том, что это мир жесток,
Надеюсь, знает мой Создатель,
Но каждый день горит восток
И запад гаснет на закате.

Иногда кажется, будто перед нами — стихи юноши, который пытается преодолеть разрыв между своим маленьким реальным «я» и желанием объять необъятное:

И в ветреном задоре,
Придерживая зонт,
Хочу лететь за море,
За мокрый горизонт.

Душа просит свободы. Воздушно. Звеняще. Исходный материал жизненных ресурсов неисчерпаем, и эти строки учат молодых обращать внимание на мир, сотворенный на радость человеку.

А вот — диаметрально противоположное состояние. Когда речь заходит о последствиях глобализации, о войнах и прочих коллективных процессах, голос автора наполнен безысходностью:

Мы все погибнем в миттельшпиле
Случайных и ненужных войн.
В обочинах сапожной пыли
Мы — пешки каждой мировой.

Не всегда всё получается так, как хотелось бы автору, но слова его искренни и честны — перед самим собой.

Мои стихи, конечно, книжные,
Конечно, не от бога.
Пишу слова порою лишние,
Но слава богу — понемногу.

Конечно, они лишние,
Но личные, но личные.

Очевидно, что автор ищет точку пересечения искренности и художественности, чтобы качество стихотворного текста не зависело от автобиографичности. Должно быть в стихах еще что-то, кроме открытости миру и людям, и автор чувствует: это

«что-то» в руки не дается. Ратуя за объективность поэзии, он, тем не менее, призывает к читателю: мне есть что сказать, и я хочу быть услышанным. А поделиться и правда есть чем: богатая семейная история, непростая жизнь, полная взлетов и падений. Автор идет на этот шаг осознанно, принимая себя любым, независимо от мнения окружающих. И пусть «обыкновенные чувства» найдут своего читателя...

*Ольга ЕФИМОВА,
поэт, литературный критик,
лауреат премии «Писатель XXI века»*

ХИРОМАНТИЯ И АСТРОЛОГИЯ

Сквозь падения и пьянство
(Ох ты, русская гульба!)
В параллельное пространство
Пробивается судьба.

Сквозь веселье и тревоги,
Взлёты и подспудный страх
Мы с извилистой дорогой
Параллельны в небесах.

Там за Млечным — по ладони,
Огибая бугорки,
В бесконечность небосклона
Идут линии руки.

Кто, гадалка, мною движет?
И кто точно знает цель?
И толкает кто за крыши
Ночью в звёздную метель?

Кто я — лучший или лишний?
И на сто веков окрест
Что ведёт меня по жизни —
Случай или Южный Крест?

В знак и цельности, и братства
Всех созвездий в вышине
Параллельные пространства
Пересекаются во мне.

Стиснув параллели вместе —
Вне доспехов и брони
Висит мой нательный крестик
С его «Спаси и сохрани».

Счастлив буду? Обездолен?
И помогут ли мольбы?
А пока мои мозоли
Легли на линию судьбы.

СЕНТЯБРЬ

Я не хочу мятежных слов,
Нездешних снов,
Вселенских мыслей.
Давайте жить как мы привыкли —
Без сотрясения основ.

Не знаю я ничьих богов,
Ничьей эгиды не приемлю,
Но понимаю эту землю
С суглинками у берегов.

Без фарисеев и волхвов
Мой бог — всего лишь эта осень,
Туманы, что она приносит
Из-за реки, из-за холмов,
Широколиственный покров
И приглушённый звук шагов.

Все эти рощи и дубравы
В цветах от крови до желтков,
Озерце слева, речка справа,
И слышно: звон колоколов
Из-за далёких островков
Тишь золотую проколол.

Во что единственное верю,
Что в солнечный сентябрьский день
Тень от мохнатой серой ели
После двенадцати на север
Уйдёт в полуденную лень,
Дрожа над мхами еле-еле.

ВЕТКИ

В гостинице знакомого поселка
Остановился. Не спеша,
Кружил окрестными просёлками
И горным воздухом дышал.

Ноябрь. Давно все листья оземь,
Прозрачны буки и кизилы —
Почти совсем поникла осень,
Но полностью не уходила.

Низинами в туманной сетке
Я каждый день бродил один
И эти дни нанизывал на ветки,
На голые ветки осин.

И сквозь безлиственные ветки
С обрывов, замерев, смотрел:
Внизу, в долине вагонетки
Вползают медленно в туннель.

Зимы, крадущейся вполсилы,
Явилась первая канва —
Морозной свежестью пьянила
Заиндевелая трава.

Похоже, редкие прохожие
Не замечали, что зима,
Еще незримая, ерошит
И сводит медленно с ума.

Пусть снег, обещанный в прогнозе,
Не выпал, но тревожил грудь —
К зиме, свободе и морозу
Лежал мой ежедневный путь.

АВГУСТ

Сжав плодов тугую тяжесть,
Заняв немного серебра,
Прихорашивался август
У порога сентября.

В августе сады не те же,
Тайно венчанный на царство,
Осыпает августейший
Подданных своих богатством.

К сентябрю последний аист
Оголит свое гнездо,
Разделяет злат царь август
Всё на после и на до.

Что до осени, до спелой...
Не случилось, не пришло...
Аистёнок неумелый
Зачеркнёт своим крылом.

На тепло и на доверие
Благоденствие легло.
И в добрейшей из империй
Август правит так легко.

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

Довольно пары капель,
Упавших на ладонь,
Понять как обаятелен
Июльский небосклон.

Умолкнувшего ливня
Последняя струя
Зависла синей линией
На пальце у меня.

Все пузыри на лужах,
Минута — и исчезнут,
Стою с зонтом ненужным
Под козырьком подъезда.

И только ветер южный
Неведомых морей
Врывается, как в вьюшку,
В проём моих дверей.

И в ветреном задоре
Придерживая зонт,
Хочу лететь за море,
За мокрый горизонт.

* * *

И жизнь убогая, и кладбища
На этой призрачной земле.
Всё, что просил у Бога, кажется,
Я получил, но жил во мгле.

Жизнь в ожидании рассвета
Тропинкой в сумраке легла —
На севере коротким летом
У нас и в полночь полумгла.

Мгла над лесистою рекою
Шла, над белёсым лугами —
Отсюда с призрачной тоскою
Жил, растворяясь в серой гамме.

Тоска в насущном чёрном хлебе,
Тоска в стакане и зелье,
Тоска, когда ты слышишь небо
И неприкаян на земле.

ЛИСТ ЗОЛОТОЙ

Когда в безветренном закате
Вся роща желтая горит,
В тончайшей золотой заплате
Затих и замер каждый лист.

Еще неведомый нам гений
Добавил облака и реку,
В иконописном обрамлении
Мгновенье замерло навеки.

И нет ни смерти, ни бессмертия,
Не важно: жили иль не жили;
Есть только вечная симметрия
На листьях в золоте прожилок.

БАБЬЕ ЛЕТО

Бог мой, бог мой — бабье лето,
Жёлтый лист по мостовой —
И Москвой, Москвой, Москвой.
Оглянешься — его нету.

Нету, нету, нету лет,
Все под богом, всё под богом.
Лета не бывает много,
Бабьего и вовсе нет.

Прощай, жёлтая листва,
Охра, умбра, неба просинь.
Где вчера кружила осень —
Всё Москва, Москва, Москва.

И раз-два, раз-два, раз-два,
Раз — и зимней танцплощадкой
Нас закружит беспощадно
Бесконечная Москва.

* * *

На листе смородины
Настоянная лужица
Подсвечена востоком.
Вот — предтеча Родины,
Родников, истоков,
Доброты и мужества.

ФИНИФТЬ

Жить,
Покрываясь глянцем мая,
Прищурив веки.
Финифть
Под кисточкой с эмалью
Свежа навеки.

ЯНВАРСКИЙ ХАБАРОВСК

Метели с обрывов
Скользили попарно —
Метель на метель.
Судьбою был выбран
Январский Хабаровск —
Белая колыбель.

Мороз и ветер.
Четверг? Воскресенье?
Советские времена.
Никто не заметил,
Что было Крещение
И середина дня.

Амур и проспекты
в снегу. Над ними —
Сотканный новый снег.
Назначено место,
И время, и имя —
Короткое имя Олег.

Снятся мне или помнятся
Дни,
Уходящие встарь?
Окна в родильной комнате,
Огни
И трескучий январь?

Кажется, помню:
Ветки
Ломают небесный поток.
Под снежной помпой —
Советский
И мой уже Дальний Восток.

Отсюда земная —
В Лету
Тропа моя. Не одинок.
Знаю —
За каждым рассветом
Мой навсегда восток.

СНЕГОПАД В СОВГАВАНИ

За ночь укутаны саваном
Сопки — подножья и склоны,
Напрочь Советская гавань
Зажата в клубах циклона.

Восточная кромка земли
Против снегов океана,
Порывы снежной мглы
Пробили сезон туманов.

Снова рычать и сутулиться
Ночной порой до утра,
Врезаясь в заносы улиц,
Людям и тракторам.

Вновь за окном сугробы,
Глубокие — метра два,
Мой караван двугорбый
Прилёт посреди двора.

Нужно зажмуриться, чтобы
В горные хребты
Вмиг превратились сугробы
(Мне еще нет шести).

Зажмурюсь — слоны и слоники,
Заснеженные, идут
В мир мой — мой подоконник,
Укромный мой редут.

Зажмурюсь — и белоснежный
Под парусами фрегат
С именем светлым «Надежда»
С восходом идёт на закат.

С надеждой уходит в плаванье,
Во взрослое бытие
Из брошенной ныне Совгавани
Советское детство моё.

Сколько всего еще будет —
Люди, дожди, города.
Но тот снегопад — прелюдия
Жизни моей навсегда.

ИЗ ЮНОШЕСКОГО

Годы как раны сквозные:
Рана есть — пули нет.
Как вы меня саданули,
Мои восемнадцать лет.

Рано, ах, слишком рано
Я понял тоску веков:
Что мои годы земные
С вечностью материков!

Расстрелянная Гондвана,
Случайный твой рикошет
Через века и туманы —
Мои восемнадцать лет.

ПЕСНЯ ПОКОЛЕНИЙ

Мы молоды и песен,
Новых песен хочется,
И жизнь глядит на нас анфас.
Над городом Одессой
Ветры носятся.
И солнце каждый день — для нас.

Мы ищем, господи, законы
Которые влекут вперед.
Ветра, ветра
Над городскими склонами.
И до утра
Такой полет!

Неровный свет
Струится над бульварами.
И нам по восемнадцать лет,
И подворотни все
Бренчат гитарами,
И море бьёт о парапет.

Над матовыми кровлями
Рассветы летят в розовом
На голубой простор.
Закаты обескровлены,
А значит — будут грозы
И первый летний шторм.

За клетчатыми шторами
Дней чересполосица,
На круглом кресле — плед.
С рассветами в просторы
Нам чрезвычайно хочется
Из дома улететь.

Детство обезглавлено,
Но годы впереди
Свежи и хлёстки будут.
Скажите, как до главного
Каждому дойти
От перекрёстка общих судеб?

ВЕТЕР

Ветер. В море шаланды
Глохнут от волн и порывов.
Горло и сильные гланды
Ветром солёным саднило.

И это еще вполсилы,
И это еще не всерьёз.
Щёлки у глаз накопили
Солёных от ветра слёз.

Ветер. В прибрежных откосах —
Белый песчаный дым.
Не нужно слов и вопросов —
Просто быть молодым.

За мысом с крутым обрывом,
За облаком на косогоре
Во фраке с лиловым отливом
Чёрное Чёрное море.

А дальше — до горизонта
Седеющих волн толчея.
Назад развернётся кто-то,
Но только точно не я.

За горизонтом белым,
За линией бытия,
Господи, что мне сделать,
Чтобы понять — кто я?

Не праздно, но и не веруя,
Без радости и без горя
Живу я, и дни мои серые
Уносит Чёрное море.

* * *

Я выжил среди выжиг,
Жиганов и воров
В проёме нищих хижин
И проходных дворов.

Я вырос на окраине,
Где истина и сны,
Железо и окалина
Не разделены.

Где не было полезней
Донельзя кратких слов,
Односторонних лезвий
И сжатых кулаков.

Где улица — на улицу
И где глаза — в глаза.
А вздрагивать, сутулиться
И отступить нельзя.

Я помню беспредельно
Отважных вожаков,
Их барышень дебелых,
Своих и чужаков.

Мальчишеские стенки
Сходились: дождь — не дождь,
Из уличной шеренги
Так просто не уйдёшь.

Но уличным солдатам
Хотелось в небо, в высь
И улететь куда-то —
В совсем другую жизнь.

От переулков жалких
И гулких мостовых,
От перепалок жарких
С ударами под дых.

От воронья дворового,
Заборов и сараев,
Над будками и сворами
Взлетая и сгорая.

От холода, застрявшего
В треснувшей фрамуге,
От пресного, вчерашнего —
К морю, Крыму, югу.

За крыши и за ставни
Всё выше — в белый дым.
Из юности в отставку
Я вышел рядовым.

ОСТРОВКИ ВОСПОМИНАНИЙ

Сколько лет минуло, Господи,
Но всё также на заре
Парусами реют простыни
В том окраинном дворе.

То, что прожил, то и истина.
Под забытым детским знаменем
Отправляюсь, как от пристани,
К островкам воспоминаний.

О, детство, синее и дальнее —
Дыханье мандаринов с хвоей.
Порой отечные миндалины
Напоминают — ты живое.

Я помню, мёдом молоко
Для горла разводила мама —
Как это было далеко,
Но вспоминается упрямо.

Я знал библейские начала.
И ёлка на Рождество
Иголками напоминала
Гвозди в ладонях Его.

Ещё я помню в сквере дождь:
Бежал, не замечал прохожих
И был уверен, что я вождь
Американских краснокожих.

Увы, житейская метла
Всех разбросала нас куда-то,
Но та индейская стрела
В моей руке всегда зажата.

* * *

Я в своём времени
Чувствовал всё:
Тонко, остро —
До биения в темени,
Словно невидимое лассо
Сжало ребро
В подростковом томлении.

Каждое слово,
Каждый флюид
В мир подростковый
Врывались мгновенно,
Как обжигающий
Кальций хлорид —
В больничные вены.

* * *

От внутривенного
Введения
Весны
И ингаляций мая
Мы все мгновенно
Влюблены,
И все безудержно страдаем
Круженьем юной головы
С галлюцинацией любви.
Но все прекрасные видения
К июлю часто исчезают.

ОДНА

Одна, одна.
Все дни — ничьи,
Но без обмана.
Тоска нашепчет мне: кричи!
А я не стану.

Глаза до дна,
Как две свечи,
Безмолвно тают.
А дни, как чёрные грачи,
Взлетают стаей.

Февраль, февраль,
Пришла пора
Узреть воочию,
Как ветер воет до утра
От одиночества.

Недобрый враль...
Не просто жить
И плакать ночью.
Но не смогу обман простить —
Я знаю точно.

* * *

Ещё не остыла постель,
Ещё неразрывны тела,
А за окном метель
Белесая всё замела.

Из белизны простыней —
В дорожную белизну.
Уйдёшь в вереницу дней,
Оставив меня одну.

Ещё не выпит чай,
Ещё рука в руке,
Ещё не сказал «прощай»,
А мысли уже вдалеке.

Ещё шумит за стеной
Добрый наш домовой,
А ты уже не со мной,
А ты уже не мой.

Уже отводишь взгляд —
Зрачки за сургучом;
Чувствуешь — виноват,
Не понимая, в чём.

Уйдёшь, надев пальто,
Закуришь на углу.
Прощай! Не знаю — за что,
Но всё равно люблю.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНС–1

Странные, странные речи
Вы говорили, корнет.
В этот весенний вечер
Трудно сказать было «нет».

Странные, странные речи
И отблеск свечей на стене...
Ваши широкие плечи
И руки нравились мне.

Скрипка над рестораном.
И только мы вдвоём.
Вы говорили странно,
Но я не помню — о чём.

Странные, странные речи,
Тени уходят прочь.
Медленно гаснут свечи,
И надвигается ночь.

Утро пришло с туманом —
Утро на все времена.
Боже, как всё это странно —
Кажется, я влюблена.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНС—2

Не случайно, не случайно
На исходе буйных лет
Роза белая и чайная
Была выбрана в букет.

Не случайно, не случайно
После бурного апреля
Наплывает май на гавань
Легким бризом, еле-еле.

Не случайно, не случайно,
Подчиняясь высшей власти,
Тебе встретился он, Анна —
Не старик, но седовласый.

Не случайно, не случайно
Над глазами и словами
Легким током лучик тайный
Пролетает между вами.

Не случайна, не случайна
Сил невидимых борьба.
Всё сошлось — не ждать, не чаять...
Две души — одна судьба.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНС–3

Иронией доброй,
Бокалом вина
Была переполнена
Я допьяна.

Мерцающей охрой
Слетала листва,
Наших подножий
Касаясь едва.

В полдень погожий,
Вздымая радостно,
Над нами неся
Облачный парусник.

Какая осень!
Спутник какой
Приобнимает
Горячей рукой!

Незряче, немая,
Иду, не дыша.
Где там порхает
Моя душа?

С последней стаей
Куда-то на юг
С тобой улетает,
Мой милый друг.

НЕБЕСНЫЕ ГОСТИ

Я и они —
Взошедшие на небо гости,
Навек сомкнувшие
И очи, и уста.
Мы все равны
На брошенном погосте.
Но как на свете жить
Знал лишь один из ста.

У каждого из нас
Есть личное созвездие,
Над нами шелестит
Полночная листва.
И каждый час
Над нами — сто столетий.
Но как на свете жить
Знал лишь один из ста.

Живым мы не чета,
Нам небо — новый дом,
Где окна на закат
И сразу в вечность — двери.
Что все уйдём
И не придём назад,
Никто из ста,
Конечно же, не верил.

* * *

Ни жизни новой,
Ни другой планиды —
Просил у Бога я
Не золото, не медь.
На собственной
Гражданской панихиде
Хотел бы я немного
Посидеть:
Чтобы в казённый
Полутёмный зал —
Последний мой приют
Под сонными колоннами
На пять минут
Хотя бы опоздал,
Пока не стал
И сонным, и казённым.

Всего-то пять,
Но поднебесных,
Пять над землей
Подвешенных минут.
Дай — время вспять,
Дай — вознестись

И внетелесным
От неба вниз
Судьей
На всех взглянуть.

Не все пришли.
И в зале есть места,
Всех помню — полумгла
Не затмевает лица;
Мне с ними
Предстоит соединиться,
Но не сейчас —
Незримая черта
По абрису земли
И неба пролегла
И разделила нас
На мертвых и живых,
Своих ушедших
И оставшихся своих.

Моих ровесников —
День ото дня
Стареющих мужчин —
Занудных собеседников,
Склоняющих судьбу,
За мелочность обид
И суету прощаю,

В узоре из морщин
На лбу
Путь каждого читаю —
Пусть каждый и меня
За всё простит.

Моих подруг-ровесниц,
Престарелых див
Ловлю из-под ресниц
В прекрасный век иной
Отосланные взоры.
Им, неземную красоту
печально пережив,
С оставшейся земной
Жить мирно и покорно,
Сменивши красоту
На простоту.

Как странно
Мы разделены,
И навсегда,
Не временем —
пространством.
Уйдут в туманы
Прожитые дни,
Согбенные в года.

Сыграв свой кон,
Все поколения
С извечным постоянством
Уйдут за горизонт.

Всё — пять минут
Мгновенно истекли.
И больше не судья я,
А свидетель,
Узревший, как
На том и этом свете
Небесные суда
Отходят от земли
И нас, зевак,
Уносят в муть
Столетий.

* * *

Грущу, моя усталость, чаще.
Когда и дошёл, и добыл,
Оказалось — выпита чаша,
Полная чаша судьбы.

Как жил я? Не по уставу,
Также как все — не сталь,
Среди живых и уставших
Также смертельно устал.

Грани сложились сложнее,
Жизнь — не лубок и финифть,
В сумраке с полутеньями
Мне, уставшему, жить.

И всё менее страшно
Умереть на заре
И в тумане вчерашнем
Навсегда замереть.

Бабье лето — по чину
Из мной прожитых дней
Вознесёт паутину
И меня иже с ней.

* * *

Когда пространства кривизна
Коснётся линии заката,
То в этой точке невозврата
Вдруг понимаем — жизнь одна.

За каждым днем приходит день.
А что придёт за нашей жизнью?
И кто шампанского нам брызнет,
Когда уйдём в сплошную тень?

Не верю, что конечно всё,
Что этот мир нам только снится,
Что нашей жизни колесница
Упрётся в вечность колесом.

Узрим потом, когда уйдём,
Что за невидимой чертою,
О чём печалиться не стоит
И где приют, а где наш дом.

И увлечёт на запад нас,
Когда планида пожелает.
Закат последний полыхает,
Одетый в бархат и атлас.

Шагнувши в бархат и в атлас,
Мы будем просто вечно падать
В закат и бесконечный запад,
И снова жить в последний раз.

* * *

Что осталось?
Что?
Эта комната,
Эта лампа
И этот стол.
Стал я дедом
(тапки растоптаны),
Был я папа —
И вот ушёл.
Что осталось?
Последняя малость:
Во Вселенную —
Из окна,
Жизнь, как рюмку
Свою последнюю,
Опрокинуть до самого дна.

* * *

После жизни ничего
И никого, увы, не будет —
Ни друзей и ни врагов,
Ни любви красоток блудных.

Иду. Последняя черта.
Чувствую себя мальчишкой.
В этой жизни ни черта,
Кроме смерти, не случится.

* * *

Я не умру, но только сделаю
Шаг за черту одну незримую.
Шагну с больничной койки в белое
Окно — в пространство неделимое.

В неощутимом измерении,
В неосязаемом эфире
Я буду неизменной тенью
Нездешней волей в вашем мире.

Я умру, а по утру
Красной тряпкой на ветру
Распластается рассвет,
Потому что смерти нет.

Вместо смерти
В омут черти
По небесному ковру
Волокут, но только врут.
Хоть убейте —
Не умру.

* * *

Ещё не вывелись все черти
И всё ещё бурлит в крови...
А время думать о боге и смерти,
А не какой-то там любви...

* * *

Не я жесток — жесток мой Бог,
Предполагаемый создатель.
Во мне его проходит ток,
Но держит он переключатель,
Чтобы иной войти не мог
В его бескрайние пределы,
Используя мой мозг и тело.

Велик! В календаре веков —
Галактика на каждой дате,
Но выше мыслей, ваше слов
Твоя грамматика, Создатель.

Скрестивши нечто и ничто
И выстроив миры по чину,
Пространство высек долотом,
Всему дал слово и причину.

О том, что это мир жесток,
Надеюсь, знает мой Создатель,
Но каждый день горит восток,
И запад гаснет на закате.

* * *

Ни Библией, ни Кораном
Не согнута, не построена,
Сросшаяся с Гондваной,
Языческая моя родина.

Тундрою — к океану,
К полюсу — мерзлотою,
Палеозойским туманом
Укрытая с головою.

Заплатою на полмира
Легла синева — тайга,
От Балтии до Таймыра
Едва где ступала нога.

Там, раздвигая шири,
Каждая река,
Распластанная в Сибири,
Плавно впадает в века.

А в каждом веке тьмою,
Раскосая, с криком «айда»
В языческие тотемы
Идёт Золотая Орда.

От каждого века — скулы,
Стать и широкая кость,
И никого не минула
Кипящая в жилах злость.

Каждого века шрамы —
Рабство и закрепощение.
В святилищах и храмах
Не вымолено прощение.

И в каждом веке ровно
Всё повторяется вновь —
Рабство, войны и снова —
Рабство, войны и кровь.

* * *

Там — жизнью брызжащие дни,
Вокзалы и прощание славянки.
Здесь полумраком съедены огни
На нашем безымянном полустанке.

Здесь воздух высшей чистоты
И тишина (безлюдно то есть).
Уносит и надежды, и мечты
Промчавшийся в неведомое поезд.

ГЕОФИЗИКИ

Мы снова в Таврии,
А может быть, в Тавриде.
Тоска, жара, часы бьют полудень.
В пивнушках душных мы бутылки ставили
Подальше от окна в божественную тень.

И замедлялась чередой событий,
И мысли в чаше оловом
Расплавленным текли;
И мозг уставший, безусловно —
По наитию
Внимает ритмам
Сплошь расплавленной земли.

Вновь безнадежно кружим по степи
Вокруг Аскании, где бабы-истуканы.
И жажду чем попало притупив,
Пьянеем в придорожном ресторане.

Ни то что нефти, не найти воды —
Здесь скифы не нашли её и греки,
Которых ветер по степи водил —
Степи, расплавленной навеки.

БЕССОННИЦА

Просыпаюсь от толчка
И в тревоге,
За пределы потолка
Влекут небесные дороги.

Барабанит до утра
Дождь по крыше,
Понимать давно пора
То, что слышишь.

То, что слышу — всё во сне
И тумане.
Не дышу и всё во мне
Барабанит.

Полуслов и полумыслей
Сонм.
Возврати меня, Всевышний,
В сон.

Но Всевышний говорит:
«Так уж вышло,
Не уснешь ты до зари
С высшим смыслом».

Сны — мозговые рычаги
Коромыслом!
Мои вечные враги —
Сны и мысли.

До утра опять за мной
Бесы гонятся,
Моих мыслей перегной —
Моя бессонница.

МАГАДАН

В слёзы не верит
Москва—Магадан.
Летим на север —
В сопки, в туман.

Пятиэтажный
Северный край,
Бывших этапов
Лагерных рай.

Бухта Нагаева,
Серые дни.
Кто не на вахте,
Вечно пьяны.

Вечер колымский,
Пьян ресторан.
Поёт Шуфутинский,
Пьёт Магадан.

Валюта севера —
Кёта, икра.
Моряки с сейнеров
Пьют до утра.

Бьёт по артериям
Водка тотчас.
Спускают артели
Золотой запас.

Что наша молодость —
Сон и обман.
Был ли реальностью
Наш Магадан?

Советские вёрсты,
Русский Клондайк.
Никто не вернётся
Туда никогда.

* * *

Ещё влажность не́вская
Под гортанью где-то,
Соловьѣ жене́вские
Будят на рассвете.

Ленински́й с Орды́нкою
Поманили снами,
Кричат чайки́ дико
Утром на Лемане.

Полуно́чной взвесью
Мысли пополам.
Мы ещё не здесь,
Мы уже не там.

* * *

Когда нездешние галактики
Сюда случайно залетали,
Созвездий золотые талии
Над всей Италией дрожали,
И закипала Адриатика.

В предчувствии больших безумий
Томился и вздыхал Везувий.

Хвосты кометы поджимали
И отлетали дальше — к Бали.

Так начинался раз в сто лет
Невиданный парад планет.

Сам Сатана, подняв бокал,
Парад, хмелея, принимал
И, путаясь в планетах одинаковых,
Сверялся с томиком Булгакова.

Наутро, — мудро сообщили в МУРе,
В Москве из-за магнитной бури
Преступность возросла,
И далее: бла, бла, бла, бла.

БЁДРА

Нет, не настурции цветут,
Не осыпаются левкои —
Твои пропорции влекут,
Твоя походка беспокоит.

Оттенённая подругой —
Вся литая, входишь в парк,
В эфир пружиною упругой
Подаётся тайный знак —

Как белой магии разряд.
И взоры замирают, если
Дебелым ангелом парят
То ли бёдра, то ли чресла.

Похоже замирали ратники
Всех народов и времён,
Охотники и собиратели
Доисторических плёмен.

Они, ведомые отбором,
Естественно и без затей
Выбирали тотем — бёдра;
И как следствие — детей.

Всех манила крутизна
Размахом сочным в стороны,
Грех, плодородная жена,
Пах и ночные стоны.

Бёдра шире, чем река —
Берега влечения,
Собранные на века
В золотом сечении...

Вся геометрия веков
Тобой давно похищена —
Вектор бёдер без оков,
От мышелка до мышелка.

И порхают в небесах
В джинсах две черешни —
Неземные тела.
Порочные? Безгрешные?

* * *

На сердце тревога —
Такая тоска.
Хрустальная рюмка
Пьянит, но не лечит.
Как близко до Бога,
Как ты далека,
Хотя твои руки
Легли мне на плечи.

До горизонта
Июньская мгла,
Без темноты
Над берёзами вечер.
И кажется мне, что
Сегодня легла
Со мною не ты,
А белёсая вечность.

Тенями в вечность
Летят облака,
Мерцающий Млечный
Застыл у порога.
Как всё бесконечно,
Как жизнь коротка.
Как близко до Бога,
Как близко до Бога.

* * *

Тайной короной увенчана,
Панною серых глаз
В жизнь мою входит женщина.
И это — в последний раз.

Это в последний — впервые
На деревянной окраине
Нас петухи разбудили.
Господи, это случайно?

Это случайно, Господи,
Или была мольба?
Взбитые эти простыни —
Случайность или судьба?

Раскосые очи, вострые,
Серые, из-под бровей —
На необитаемом острове
Без вас я среди людей.

Где я? Земля или небо?
Сумерки, явь, сон, бред?
Вселенское всё отребье,
Жив я ещё или нет?

На том и на этом свете —
Мгла и чужие лица;
Не помню, где тебя встретил:
Случайное — не случится.

* * *

ИК

Давно не влюблялся. Давно.
Забыл эту химию взгляда,
Зависшего в карем тумане,
Как будто резкость в кино
Наводят на белом экране.
И всё бесконечное — рядом.

* * *

ИК

Нет, ты другой не стала,
Наивность внутри храня,
Своею свободой малой
Навеки пленила меня.

На мелочи не променяла
Порывы души привычные,
И этот уже не мало
В нашей глухой провинции.

Облачком обуяла
Совместный наш островок,
И это совсем не мало,
Когда кругом острог.

Совместная наша дорога,
Названная судьбой.
Господи, как это много,
Что эта дорога с тобой.

* * *

Два прикроватных абажура,
Две тумбочки, одна кровать —
И два приватные Амура
Беспомощны. Кто виноват?

Свет потушив,
Скользнули в полночь
Две одинокие души —
В своё космическое лоно
Из человеческой глуши.

И вновь не сходятся планеты,
Противоборствуют миры.
Любовь — разменная монета
Азартной неземной игры.

Звезда и свет, звезда и тайна —
За небосводом, там — во мгле,
И снова мы не совпадаем
И несвободны на Земле.

РАССВЕТ НА НАБЕРЕЖНОЙ

Опьянён тобой и молод.
Ты обнимешь, горяча.
Как прекрасен спящий город
Сквозь проекцию плеча.

Длинной набережной вектор —
Фонари, дома, мосты...
Эту ночь, прохладу, ветер
Заслонила нежно ты.

Силуэты дебаркадеров,
Отсвет млечных облаков,
Парапеты и покатые
Плечи тёмных берегов...

Я люблю твоих (навечно!)
Глаз зелёных острова.
А за ними — бесконечная
Предрассветная Москва.

Окончательно пьянею:
Я с тобой, рассветом, маем!
Всё сильнее и сильнее
Вас с Москвою обнимаю.

ЖЕНЩИНА У ОКНА

Вот апрель — снова
Капает с крыш.
Молви хоть слово!
О чём ты молчишь?

От снега на крыше
Останется лишь
Рыжая жижа.
О чём ты молчишь?

Шпарит по лужам
Шкодный малыш —
Он маме не нужен.
О чём ты молчишь?

От талых склонов
Связки из лыж
Несут на балконы.
О чём ты молчишь?

Первою стайей
В весеннюю тишь
Скворцы взлетают.
О чём ты молчишь?

Кто там на карнизе:
Ласточка, стриж?
Что за капризы!
О чём ты молчишь?

Хочешь отсюда
Прямо в Париж?
Сию минуту?
Опять ты молчишь.

Что сказать няне,
Что малышу?
Нельзя ли, по крайней...
— Я ухожу.

СЛУЧАЕН

Я чувствовал, что я случаен
На приютившей нас Земле,
Но образ розовый и чайный
Увидел ночью на стекле.

Он растворялся в лунном свете
То розовел, а то был ал —
Богине на какой планете
Келейно он принадлежал?

И в ожидании нечаянной,
Но точной, словно фатум, встречи
Я жил — и только роза чайная
Была и знаком, и предтечей...

Небесный, в облаках, с мечтами —
Я был напрасен как жених.
Я проходил, не замечая
Простых, прекрасных и земных.

И я, конечно, был наказан —
Неровный свет, неравный брак.
Судьбой, молитвою, намазом —
Как искупить тот лунный мрак?

КРАСИВЫЙ КВАРК

ИК

Трамвай идёт в полночный парк.
И в вышине, где была и небыль,
За ним летит красивый кварк
И вновь, и вновь уходит в небо.

Когда заката краснота
Сокроется за горизонтом,
Я понимаю кварки там,
Где нет ни бога и ни черта.

Неясной дымкою маня,
Ты лишь очерчена курсивом.
Без кварков, знаю — ты моя.
Из кварков, знаю — ты красива.

МАМЕ

Тёплой, такой родной,
А в детстве самой-самой,
Ты была просто мной,
Ты была просто мамой.

Где ты, в какой обители,
В какой тишине сейчас?
Ангелы, где вы видели
Маму в последний раз?

Я тоже взлетаю в небыль,
За горизонт, за свет.
Боже, как близко до неба,
Когда на земле мамы нет.

По неземным канонам
Цела между нами нить.
Остались твои телефоны,
Как мне тебе позвонить?

Вот бы по всей Вселенной
Били колокола,
Я бы молился смиренно,
А ты бы ещё пожила.

НА ВАГАНЬКОВСКОМ

Новодевичье?
Не ровня,
Не набрал ещё наград.
На Ваганьковском
Уж точно,
Как случится, похоронят
Между выцветших оград.
Где? Налево от цветочного,
Потом прямо —
Полминуты.
Ну, конечно,
Рядом с мамой
Буду снова я укутан,
И теперь уже навечно,
Общей мраморной огранкой.
На Ваганьковском.

В небесах ли, под землею —
В бесконечно длинном зале,
Мама, встретимся с тобою
И уйдём в сплошные дали.

МОИМ РОДИТЕЛЯМ

маме — 14 09 41

папе — 25 08 37

Наверное, всё не случайно,
Бог не играет в кости.
Папу не расстреляли
Под Винницей в Холокосте.

Мама под бомбежкой
Была рождена в сорок первом.
Жил бы вульгарным безбожником,
Но как тут не уверовать.

Конечно, всё не случайно,
Единым всё связано нервом —
Так вот и обвенчались
Тридцать седьмой с сорок первым.

* * *

Память не может быть белой.
Сквозь годы и дней вереницу
Мой папа помнит расстрелы
В гетто где-то под Винницей.

В памяти чёрным вкраплением
Бледные-бледные лица.
Мой папа помнит расстрелянных
В гетто где-то под Винницей.

Папа рождён в рубаше:
Выжил, прошёл, дожил,
Но в постоянном страхе,
В страхе до самых жил.

Страшнее уже не будет
На свете этом и том,
Папу ночами будят
Гетто и детский дом.

Смертны мы все, но надеемся:
Когда с папой это случится,
Я буду помнить младенцев
В гетто где-то под Винницей.

ИДИШ

Левиты, Коганы, Эпштейны,
Давайте выпьем по чуть-чуть
За идиш-мир благословенный,
Который больше не вернуть.

Уже не выразить дословно
Местечек наших тишь и омут.
Мой идиш, ты живым не ровня —
Тебя не знаю, только помню.

Я помню в четверги и вторники
Меня на скрипочку водили,
Я помню бабушка готовила
К субботе фиш и заливные.

Я помню дворики Херсона,
Где в моем детском далеке
Все старики ворчали сонно
На непонятном языке.

Нить оборвалась на родителях,
Язык, погибший в наши дни,
Так как последние носители
Расстреляны и сожжены.

* * *

Мы все погибнем в миттельшпиле
Случайных и ненужных войн.
В обочинах сапожной пыли
Мы — пешки каждой мировой.

* * *

Беспросветная, беспробудная
Ты, одесская нищета.
По согласию обоюдному
Между нами прошла черта.

Между нами черта оседлости,
Очертившая общий хлам
Подсознания, мрака, бедности,
Разделившихся пополам.

* * *

Бог мне уже бесполезен,
К черту персты от лба.
Редкой тяжёлой болезнью
Меня наградила судьба.

Диагноз настолько точен,
Что не спасут индульгенции
Не только Христа, но и прочей
Еврейской интеллигенции.

В ИЕРУСАЛИМ

Тот, кто в печали —
Бог точно с ним.
Сядем-поедем в Иерусалим.

Если в опале,
Если гоним,
Сядем-поедем в Иерусалим.

Жёлтые звезды?
Живые горим?
Сядем-поедем в Иерусалим.

Ссылные вёрсты,
Будущих олим.
Сядем-поедем в Иерусалим.

Невозможно выжить,
Страшно быть живым.
Сядем-поедем в Иерусалим.

Вы же жида
И мы вас окрестим.
Сядем-поедем в Иерусалим.

Всюду оковы —
Что Колыма, что Крым.
Сядем-поедем в Иерусалим.

Снова и снова
Над синагогой дым.
Сядем-поедем в Иерусалим.

Свои на небе,
Чужие под ним.
Сядем-поедем в Иерусалим.

Скажите, ребе,
Мы устоим?
Сядем-поедем в Иерусалим.

* * *

Несмотря на фамилию сложную,
Я был русский мужик заводной.
И таким же, но русским безбожникам
Очень нравилось пить со мной.

СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Всего лишь тени
Падают на скатерть
И застревают в бахrome.
Ты из малейших ощущений
Пытаешься соткать
Не холст, а макраме.

Во-первых, осень.
Во-вторых, дыханье шторы —
И вкупе с этими двумя
Пришедший полдень
Создает узоры,
Вплетая их в извилины ума.

И мозг — набат,
Как Новгород на вече
Зовёт отдельные слова.
Слова спешат,
Преследуя предтечу —
Теней настольных кружева.

Как все, однажды
В перистые дали
Уйдешь поверить в Божество,
И удивиться — кружевами
Зарождались
Материя и вещество.

ВЫСОЦКОМУ

И вот пошла диагональ
Его стихов наискосок.
И стало ясно, что он враль,
Не рассказавший весь урок.

Не рассказавший, что обман
Есть предрассветной дымки муть —
Она, а не сплошной туман,
Рассвета будущего суть.

Не рассказавший, что слова —
Тотем, к которому привыкли,
Что на большом пути едва
Не рельсы слышимы, а стыки.

Не рассказавший — к сорока
Лимит из запятых и точек
Исчерпан. Каждая строка
Молчит,
А смыслы — между строчек.

Между строками — просто ритм
В виски стучащих дум,
И вязь потусторонних рифм,
И связь слов — белый шум.

Незримо белая волна
Пошла размером в жизнь,
И стало ясно, что она
Не ураган, а легкий бриз.

Поэт и бард, рифмач, пиит,
Где Гамлета костюм?
От строк твоих душа болит,
Уходит в белый шум.

В неслышимые стыки слов
И в перезвоны междометий,
И в дымку предрассветных снов,
И в эхо будущих столетий.

Что бы там ни было — бедлам
Или отдельный рай для ВИПов,
Но мы с тобою выпьем там,
Володя, — встретимся и выпьем.

ВОЗНЕСЕНСКОМУ

Гений должен быть глухим —
Не на слух, а кожей
Случать звуки схожие,
Что не дано другим.

Гений должен быть слепым,
Осязать наощупь:
Пожелтели рощи,
А над полями дым.

Гения презумпция —
Оголенным нервом
Чувствовать всё первым
В мировом безумии.

* * *

Цените гениев — они
За нас общаясь с небесами,
Нам путеводные огни
Несут — и в них сгорают сами.

Их гениальность — их работа
Без пропусков и выходных,
Их строки, формулы и ноты
Достались нам — таким земным.

Не зная каждого судьбу,
Мы помним только отголоски —
Их странности или гульбу
Внутри тверского околотка.

* * *

Будь ты последний,
Будь ты гений,
Будь скромным —
Из всего
Литературного наследия
Запомнят
Пять стихотворений.
И больше — ничего.

* * *

От переездов и разводов,
Плохого быта
И попоек в складчину
Все рукописные стихи
Забыты
И утрачены
За годы,
Как первородные грехи.

* * *

Мои стихи, конечно, книжные,
Конечно, не от бога.
Пишу слова порою лишние,
Но слава богу — понемногу.

Конечно, они лишние,
Но личные, но личные.

Содержание

Ольга Ефимова. О ЧУВСТВАХ, КОТОРЫЕ БЛИЗКИ КАЖДОМУ. <i>Предисловие</i>	3
ХИРОМАНТИЯ И АСТРОЛОГИЯ	7
СЕНТЯБРЬ.	9
ВЕТКИ	11
АВГУСТ.	13
ПОСЛЕ ЛИВНЯ	14
«И жизнь убогая и кладбища...»	15
ЛИСТ ЗОЛОТОЙ	16
БАБЬЕ ЛЕТО	17
«На листе смородины...»	18
ФИНИФТЬ.	19
ЯНВАРСКИЙ ХАБАРОВСК.	20
СНЕГОПАД В СОВГАВАНИ	22
ИЗ ЮНОШЕСКОГО	24
ПЕСНЯ ПОКОЛЕНИЙ	25
ВЕТЕР	27
«Я выжил среди выжиг...»	29
ОСТРОВКИ ВОСПОМИНАНИЙ	32
«Я в своём времени...»	34
«От внутривенного...»	35

ОДНА	36
«Еще не остыла постель...»	37
СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНС—1.	39
СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНС—2	40
СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНС—3	41
НЕБЕСНЫЕ ГОСТИ	43
«Ни жизни новой...»	44
«Грущу, моя усталость, чаще...».	48
«Когда пространства кривизна...»	49
«Что осталось?...».	51
«После жизни ничего...»	52
«Я не умру, но только сделаю...»	53
«Еще не вывелись все черти...»	54
«Не я жесток — жесток мой Бог...»	55
«Ни Библией, ни Кораном...»	56
«Там — жизнью брызжащие дни...»	58
ГЕОФИЗИКИ	59
БЕССОННИЦА	60
МАГАДАН	62
«Еще влажность невская...»	64
«Когда нездешние галактики...»	65
БЕДРА	66
«На сердце тревога...»	68
«Тайной короной увенчана...».	69

«Давно не влюблялся. Давно...»	71
«Нет, ты другой не стала...»	72
«Два прикроватных абажура...»	73
РАССВЕТ НА НАБЕРЕЖНОЙ	74
ЖЕНЩИНА У ОКНА	75
СЛУЧАЕН	77
КРАСИВЫЙ КВАРК.	78
МАМЕ.	79
НА ВАГАНЬКОВСКОМ.	80
МОИМ РОДИТЕЛЯМ	81
«Память не может быть белой...»	82
ИДИШ	83
«Мы все погибнем в миттельшпиле...»	84
«Беспросветная, беспробудная...»	85
«Бог мне уже бесполезен...»	86
В ИЕРУСАЛИМ	87
«Несмотря на фамилию сложную...»	89
СТИХОСЛОЖЕНИЕ	90
ВЫСОЦКОМУ	92
ВОЗНЕСЕНСКОМУ	94
«Цените гениев — они...»	95
«Будь ты последний...»	96
«От переездов и разводов...»	97
«Мои стихи, конечно, книжные...»	98

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Литературно-художественное издание

Олег Лич

Хиромантия и астрология

Стихотворения

Редактор *Евгений Степанов*

Корректор *Сергей Киулин*

Компьютерная вёрстка *Ирина Ракитина*

Формат 120х165

Бумага офсетная

Гарнитура Academy

Тираж 300 экземпляров

Подписано в печать 24.07.2025

Издательство «Вест-Консалтинг»

115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,

стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12.

Тел. (495) 978-62-75

Типография «Клуб печати»

127018, г. Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи,

д. 40, стр. 1, офис 32.